

Завтра жюри конкурса на здание новой сцены Мариинского театра выберет лучший из лучших проектов

Пусть победитель плачет

Даже в последний день работы выставки участников конкурса на проект нового здания Мариинки в залах Академии художеств у макетов и планшетов толпились заинтересованные петербуржцы. Уже собрано несколько книг их высказываний по поводу конкурсантов, но окончательное решение — за компетентным жюри. И это не просто словесное клише — международное жюри конкурса действительно представительно и компетентно. Но завтрашнее его решение вовсе не значит, что победитель построит именно такой театр на месте ДК Первой пятилетки.

Ольга КАБАНОВА

Читать книгу отзывов — захватывающее занятие. Открываю и читаю гневный вердикт: «Выврождение профессии». Пояснение: участники не догадались, что в Петербурге бывает дождь и снег, и понапросто проектировали стеклянных и золотых крыш, непригодных к эксплуатации. Подпись: конструктор, механик, психолог, философ.

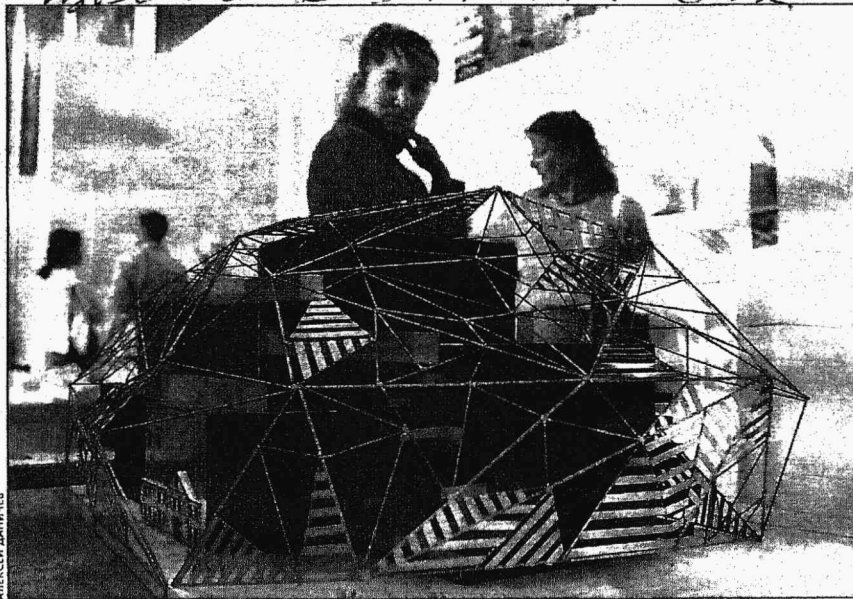
Народный рецензент, человек многих профессий, страдает общими для всех, кто высказывается о конкурсе, недугом — тотальной подозрительностью. Так селянин, впервые появившийся в городе, уверен, что на него наедет первая же машина, а светофор — только декорация. В нашей стране и в ее второй столице так давно (а практически — никогда) не было представительных международных архитектурных конкурсов с публичным обсуждением, что некоторые сомневаются даже в том, смогут ли именитые и знаменитые архитекторы мира и отечества спроектировать крышу. Наличие экспертов, не только по крыше, но и по канализации, например, или по пожарной безопасности, даже не приходит на ум. Тут же характерная национальная гордость: снег и дождь оказываются чисто питерскими явлениями.

Все эти комплексы вынужденного провинциала — архитектурная слеза Санкт-Петербурга оста-

лась в далеком прошлом — проявляются во всех ахах и охах вокруг конкурса. Нет шедевров, нет единственного верного решения, иностранные и московские архитекторы уникальности города и его традиций не чувствуют. Конкурс надо продолжать (и забыть о том миллионе долларов, который уже истрачен на первый, почти келейный конкурс и на второй, так широко обсуждаемый), нельзя портить святой Питер неадекватным проектом. Все эти стенания как раз и рассеивает выставка, если смотреть ее внимательно и непредубежденно, без целенаправленно мрачного отбора негативных факторов.

Тогда золотая сетка, которой покрыл свое здание француз Доминик Перро, окажется перекличкой с огромным золотым куполом Исаакия. Тогда в планировке зала, которую предложил австриец Ханс Холляйн, отчетливо увидится отсылка к работам гениального русского архитектора Константина Мельникова. Тогда новая версия проекта американца Эрика Мосса, чей первый проект так оскорбил питерскую общественность своей вычурной нарядностью, напомнит как раз о пышности и декоративной избыточности старого города. Тогда легкий, как пух из уст Эзопа, простой и гармоничный, как иероглиф, проект японца Арата Исодзакэ покажется мастерской репликой на шедевры русского конструктивизма. Тогда затейливость и декоративность работы

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ

Проект французского Доминика Перро — один из лидеров конкурса

голландца Эрика ван Эгераата обернется волшебным музыкальным ящичком, опять же с позолоченными вроде бы крыльями (а куда деваться в Питере от сверкающих в небе куполов, шпилей и ангелов). Тогда тяжелое и массивное, как всегда у швейцарца Марио Ботта, строение увидится продолжением русской традиции делать все серьезно и основательно. Даже храм, который у нас все видится храмом в самом прямом, а не в переносном — храм веселых муз — софусе.

Общекулуарное мнение: московские и питерские участники уступают иностранным. Но если внимательно посмотреть на работы

Александра Скокана или Сергея Киселева, то легко увидеть в них множество простых, разумных и элегантных решений. А скокановский полизкран по всему фасаду — просто новейшая архитектурная мода. Излишне тяжеловесным, напоминающим европейский аэропорт кажется проект питерца Марка Рейнберга. Дерзкой выходкой, а не серьезной заявкой можно считать решение Андрея Бокова и Олега Романова, предлагающих сохранить здание ДК Первой пятилетки и покрыть его сверкающей стеклянной мантией. Может быть, это просто демонстрация в защиту сталинской архитектуры как исторического памятника, вызванная

решением о сносе московской гостиницы «Москва». Единственный проект, который профессионалам кажется неприемлемым — тяжел и старомоден, как раз более других, судя по книге отзывов, приглянулся публике. Во-первых, в работе Юрия Земцова и Михаила Кондидана есть понятные колонны, во-вторых, он захватывает участок намного больше отведенного и требует дополнительного сноса. Вот это понятно, это по-советски. Но между работами всемирно знаменитых иностранцев и наших архитекторов нет никакой профессиональной бездны. И это приятно.

Тем не менее победу прочат иностранцам (Перро или Ботта, ко-

торого уже дважды в Питере обманули). Такое решение очень выгодно главному архитектору города Олегу Харченко. В этом случае он станет для зарубежного архитектора действующим соавтором, будет обеспечен почетной работой, а заодно, если повезет, впишет свое имя в историю рядом со звездным. Пока же имя Харченко архитектурному миру неизвестно. Правда, Зураб Церетели всех убеждает, что надо отдать победу своим — так принято во всем мире. Во всем мире бывает, заметим, по-разному. Да и питерское влияние Церетели пока не так тотально, как московское. Что касается Бергьева, то пока пристрастия маэстро не известны даже его приближенным.

Но кого бы ни предпочло жюри, судьба новой сцены Мариинки все равно в тумане. Выбранный для строительства проект (если он не окажется победителем без последующей реализации — такой вариант возможен) будет долго доделываться и утрясаться, потом долго строиться с обязательной поддержкой финансирования (и обязательно потребуются больше, чем обещанные Грехом 50 миллионов долларов). А если все сложится хорошо и новый театр действительно будет построен, то понятно, сколько проклятий падет на голову победителя. Ведь даже к архитектурным шедеврам горожанину трудно привыкнуть.

Но пока лучше радоваться: без конкурса не было бы таких замечательных, действительно достойных (что бы ни говорили профессионалы, страдающих за культуру) проектов. Без конкурса самый красивый город страны не вылез бы из затянувшегося почти на век архитектурной депрессии. И последней: Санкт-Петербург — самый европейский город России, и он должен быть таким.